

НАРРАТОЛОГИЯ

С.А.ГОЛУБКОВ¹

Самарский государственный университет

О ДВУХ ЭПИЗОДАХ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНИМАЛИСТИКИ

В статье идет речь о функции анималистской образности в литературе. Объектом пристального внимания становятся два литературных текста – рассказ Ф.М. Достоевского «Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже («Крокодил»)» и рассказ прозаика XX века М.Козырева «Крокодил». У зоологизмов много выразительных функций. В данных случаях анималистские образы становятся вариантом фабульного обстоятельства.

Ключевые слова: анимализм, бестиарий, зоологизм, фабула, анекдотическая ситуация, алогизм, абсурд, Ф. Достоевский, М. Козырев.

S.A. Golubkov²

Samara State University

ON TWO EPISODES IN THE HISTORY OF RUSSIAN LITERARY ANIMALISM

The article deals with the functions of animalistic imagery in literature. The object of study is two literary texts – a short story by F. M. Dostoyevsky “The Crocodile. An Extraordinary Incident” and a short story “Crocodile” by a twentieth century writer M. Kozyrev. Zoonyms have quite a number of expressive functions. In the analyzed stories, the images become animalistic versions of anecdotal circumstances.

¹ Сергей Алексеевич Голубков, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского государственного университета

Key words: animalism, the bestiary, zoonym, plot, comical situation, alogism, absurdity, F. Dostoyevsky, M. Kozyrev.

Корпус анималистской образности в русской литературе весьма обширен и разнообразен. Тут и ершовский Конек-горбунок, и щедринские Премудрый пескарь с Карасём-идеалистом, и толстовский Холстомер с купринским Изумрудом, и изысканный жираф Гумилева, и кролики и удавы Фазиля Искандера. Корней Чуковский выпустил в литературное пространство разношерстных (в буквальном смысле этого слова) пациентов Айболита, которых заботливый доктор лечит, как помнится, шоколадом и гоголем-моголем. А строчки из сказки того же автора «Тараканище», написанной в 1921 году, памятливы многим поколениям читателей. У всех этих персонажей разные литературные функции, разные способы художественного воплощения.

В этом ряду нашлось место и такому экзотическому для российских просторов животному, как крокодил. Правда, в двух произведениях, о которых пойдет дальше речь, он выступает отнюдь не как аллегория, не как символический герой, а, скорее, как вариант чисто фабульного *обстоятельства*, ведь все события будут разворачиваться *вокруг него, в связи с ним...* Крокодил тут – некая первопричина возникшей ситуации.

В далеком 1865 году читатели второго номера журнала «Эпоха» могли натолкнуться на весьма любопытную публикацию рассказа Федора Достоевского «Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже». При перепечатке этого произведения в собрании сочинений писателя рассказ получил название «Крокодил». Текст имел и весьма интригующий подзаголовок: «Справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло». Фабула рассказа имела анекдотическую природу. Такое построение, кстати, было вполне характерно для Достоевского. Можно вспомнить, например, написанный в той же манере рассказ «Скверный анекдот», опубликованный тремя годами раньше в журнале «Время».

В центре анекдота всегда находится некий смысловой обрыв, случай (случайная ситуация, неожиданная фраза-каламбур). Так, герой

рассказа Ф. Достоевского чиновник Иван Матвеевич, посетивший редкий аттракцион (показ крокодила) в Пассаже, становится жертвой собственной беспечности и напускной храбрости. «– О, не бойся, друг мой, – прокричал нам вслед Иван Матвеевич, приятно храбрясь перед своею супругою. – Этот сонливый обитатель фараонова царства ничего нам не сделает, – и остался у ящика. Мало того, взяв свою перчатку, он начал шекотать ею нос крокодила, желая, как признался он после, заставить его вновь сопеть» [Достоевский, 1973, с. 181-182]. Далее крокодил, разъярившись, проглатывает незадачливого чиновника.

Что удивительно, последовавшая затем реакция на происходящее резко разделяет потрясенных свидетелей происшествия. Жена чиновника Елена Ивановна, осознав внезапную утрату мужа и желая его спасти, «выкрикивала, как иступленная, одно только слово: «Вспороть! Вспороть!», а вот немец-хозяин аттракциона и его мать боятся потерять своего крокодила-кормильца: «Унзер Карльхен, унзер аллерлибстер Карльхен вирд штербен! – выла хозяйка» [Достоевский, 1973, с. 183]. Хозяин аттракциона громогласно объявляет всем, что его отец и дед занимались показом крокодила, это их давняя семейная традиция, что этот аттракцион «вся Европа знает».

Острые сатиры писателя направлено на то, что можно назвать избыточной зависимостью человека от общественного мнения. Здесь фактически сталкиваются две логики. Одна – логика элементарного здравого смысла. Другая – параллельная логика абстрактных рассуждений, порой оторванных от жизни. Вполне понятный призыв Елены Ивановны вспороть крокодила, чтобы извлечь несчастного мужа, получает резко критическую оценку со стороны случайного очевидца: «Вы немедленно будете освистаны в хронике прогресса и в сатирических листках наших...» [Достоевский, 1973, с. 184], ведь надо быть милосердными к животным. Абсурдность ситуации усиливается голосом уцелевшего Ивана Матвеевича. Чиновник из чрева крокодила заявляет, что он «проглочен без всякого повреждения», и выражает беспокойство только по поводу того, «как взглянет на сей эпизод начальство» [Достоевский, 1973, с. 185]. Писатель сталкивает обыкновенный *здравый смысл* (согласно которому надо просто немедленно спасать человека) и некие «*высшие*» *соображения, политиканство* (как, скажем, происшедшее будет воспринято

европейским общественным мнением в символическом плане): «...едва только капитал привлеченного крокодила удвоился через Ивана Матвеича, а мы, чем бы протезировать иностранного собственника, напротив, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспороть» [Достоевский, 1989, 1, с. 190]. Анекдотическая ситуация парадоксально меняет и самого Ивана Матвеевича – из невольной жертвы хищника он превращается в самовлюбленного и амбициозного проповедника: «В результате – я у всех на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Стану поучать праздную толпу. Наученный опытом, представлю из себя пример величия и смирения перед судьбою! Буду, так сказать, кафедрой, с которой начну поучать человечество» [Достоевский, 1989, 1, с. 194]. В луче направленной авторской сатиры высвечивается социальная демагогия, неумеренное красноречие, разноликая ярмарка тщеславия и политического верхоглядства. Герой кокетливо смотрит в зеркальце общественного мнения. Обретающийся во чреве крокодила Иван Матвеевич печется не о немедленном собственном спасении, а отвлеченно и праздно размышляет: «В моем тесном убежище одного боюсь – литературной критики толстых журналов и свиста сатирических газет наших. Боюсь, чтоб легкомысленные посетители, глупцы и завистники и вообще нигилисты не подняли меня на смех. Но я приму меры. С нетерпением жду завтрашних отзывов публики, а главное – мнения газет» [Достоевский, 1989, 1, с. 198-199].

Анекдотический случай обрастает различными версиями, приводимыми в печатных изданиях, и повествователь их подробно излагает, обильно цитируя газетные тексты. В итоге вся газетная полемика свелась к неизменному и весьма легковесному противопоставлению Европы и России. Этот анекдот в итоге, как и упомянутый рассказ 1862 года «Скверный анекдот», тоже оказался «скверным». Обычно рассказ Достоевского «Крокодил» трактуют как сатиру на либеральные идеи и издания. Но, думается, это лишь один только смысловой пласт. Современный читатель увидит в тексте еще и другое – отображение порой слепой зависимости обычного человека от молвы, от той пресловутой грибоедовской Марьи Алексеевны (вспомним: «что скажет княгиня Марья Алексевна!»), в какие бы

газетные и идейные одежды она ни рядилась, кем бы она ни была – «прогрессистом» или консерватором.

Второй прозаический текст – рассказ «Крокодил» – принадлежит перу русского сатирика XX века Михаила Яковлевича Козырева. Того самого Козырева, что написал в 1924 году яркую антиутопическую повесть «Ленинград», за «создание и распространение» которой был арестован в июле 1941 года и расстрелян в саратовской тюрьме зимой 1942 года. Наследие М. Козырева стали изучать только в последние 20-25 лет. Надо заметить, проза писателя заслуживает самого внимательного изучения.

Рассказ «Крокодил» тоже имеет уточняющий подзаголовок: «Три дня из жизни Красного Прищеповска». Причем сюжетная конструкция рассказа строится на сугубо *мнимых величинах*. Крокодил тут вроде бы и есть. И в то же время его нет. Прошел слух, что в речке Прищеповке, «где и щуке тесно», появился крокодил. Однако его никто не видел. Но слухи растут и накручиваются, как снежный ком. В реальности же в Прищеповске появился пьяный матрос, который распевал песенку о том, «как ходила по улице какая-то крокодила», причем непременно лихо сдабривал текст этой песенки малопечатными словами. Циркуляция слухов в городке напоминает детскую игру в испорченный телефончик.

Собственно, в рассказе несколько смысловых центров. Один из них – это мысль о порождающей фантомы *всесильной молве*. Она способна населить и Прищеповск, и ближайшую округу кем угодно – хоть крокодилами, хоть белебеевскими бандитами, хоть интеллигентами-саботажниками. Молва рождает псевдособытия, плодит мнимые угрозы, громоздит одну несусветную нелепость на другую. Количество слухов, так сказать, переходит «в качество» – слухи обретают статус реально случившегося, в них верят даже больше, чем непосредственно созерцаемому.

Вторая доминанта козыревского рассказа – это стилистически тонкая работа сатирика с идеологическим *языком эпохи*, тем языком, который литературовед М.О. Чудакова позднее назовет «*советским новоязом*» [Чудакова, 2001]. Описание возможного появления в Прищеповке крокодила облекается в ткань идеологических штампов, лозунговых фраз, политических ярлыков, расхожих газетных клише. Слух рождает у людей всплеск всеобщей подозрительности и

агрессии, направленной друг на друга. Чуть-чуть задремавшая в душах «гражданская война» снова вырвалась наружу. Вот цепочка показательных фраз-версий: «тут без врагов советской власти дело не обошлось», «доверять никому нельзя», «крокодил и матрос напущены белебеевскими разбойниками», «причастны к заговору местной буржуазии и саботирующей интеллигенции», «крокодил успел-таки изрядно поработать», «не без его участия была уведена у одной бабы корова», «контрреволюция подняла голову и выявила свою классовую природу» [Козырев, электронный ресурс, <http://poesias.ru/proza/kozyrev-mihail/kozyrev1001.shtml>].

Кстати, совершенно не случайно крокодил в молве упоминается в одной связке с матросом. Писатель, сообщив в начале повествования о напевающем «братишке», тем самым отсылал читателя к известной песенке «По улицам ходила / Большая крокодила. / Она, она / Зеленая была». Песенка известна с XVIII века и имела множество вариантов. А в XX веке буквально кочевала из фильма в фильм. У этого совершенно легкомысленного по содержанию и простенького по мелодии эстрадного «пустяка» была завидная судьба настоящего «хита». М. Козырев таким образом мимоходом намекал на абсурдность родословной своего мнимого крокодила, переполошившего весь мирный и сонный Прищеповск.

Ситуация с крокодилом играла в рассказе М. Козырева роль своеобразной «лакмусовой бумажки», проявлявшей скрытые конфликты, злоупотребления новой власти. «Говорили, что у жены председателя появилась откуда-то шуба с каким-то особенным (не крокодильею ли меха) воротником, вспомнили, как были съедены пленарным заседанием двадцать шесть реквизированных у заезжего спекулянта поросят, вспомнили еще, как Совет, постановив уничтожить отобранный у кого-то спирт, собственными средствами выполнил это постановление так хорошо, что абсолютное большинство выползло из помещения на четвереньках» [Козырев, электронный ресурс, <http://poesias.ru/proza/kozyrev-mihail/kozyrev1001.shtml>]. Да и с украденной у одной бабы коровой все стало ясно: «Оказалось: во дворе Степана Аристарховича действительно мычала корова» [Козырев, электронный ресурс, <http://poesias.ru/proza/kozyrev-mihail/kozyrev1001.shtml>].

В сравнении с рассказом Ф. Достоевского в козыревском повествовании так называемого *черного юмора* стало намного больше. Если по поводу съеденного крокодилом чиновника в первом случае в основном идет чисто газетная перепалка, «шумят витии» и публицисты предъявляют друг другу претензии, то в рассказе М. Козырева прищеповцы, возбужденные слухами, легко начинают *вооружаться*, хвататься за *наганы*, могут объявить *военное положение*, могут сделать *аресты* каждодневной практикой, а матроса даже успевают *расстрелять* (причем, дважды!). Социальные конфликты обретают более высокую температуру, нравы становятся ожесточеннее, ситуации – опаснее. И хотя угроза появления крокодила сохраняется, отнюдь не он, а сами люди пугают читателя своей вдруг обнаружившейся звериной сущностью. Солженицынское «красное колесо» исторических катаклизмов набирает обороты, вовлекая в свое неумолимое движение огромные людские массы.

Рассказ Ф. Достоевского был написан в XIX веке, рассказ М. Козырева – в XX веке. Времена меняются, но что-то остается неизменным. Вот налицо и постоянная дихотомия: *реальность* подчиняется своим законам, а *молва* (читай также: коллективное мнение, СМИ, пропаганда) строит свои виртуальные миры, порой имеющие мало общего с этой самой реальностью. И человек (жертва этой молвы) невольно попадает в ситуацию призрачного *параллельного* существования по отношению к реальной действительности.

Крокодилы и сейчас не перевелись в литературе, они продолжают жить в нашем читательском обиходе. В 1922 - 2000 гг. выходил широко известный сатирический журнал «Крокодил», на обложке которого был изображен энергично шагающий красный хищник с вилами. А в пространстве детского читательского сознания уютно устроился небезызвестный крокодил Гена из повести Эдуарда Успенского и одноименного мультфильма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т.5. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – 407 с.

Козырев, М.Я. Пятое путешествие Гулливера и другие повести и рассказы. / М.Я. Козырев. – М.: Текст, 1991. – С. 288-301. [Электронный ресурс]. – URL: <http://poesias.ru/proza/kozyrev-mihail/kozyrev1001.shtml>. (15.11.2015).

Чудакова, М.О. Избранные работы. Т.1. Литература советского прошлого / М.О. Чудакова. – М., 2001. – 472 с.